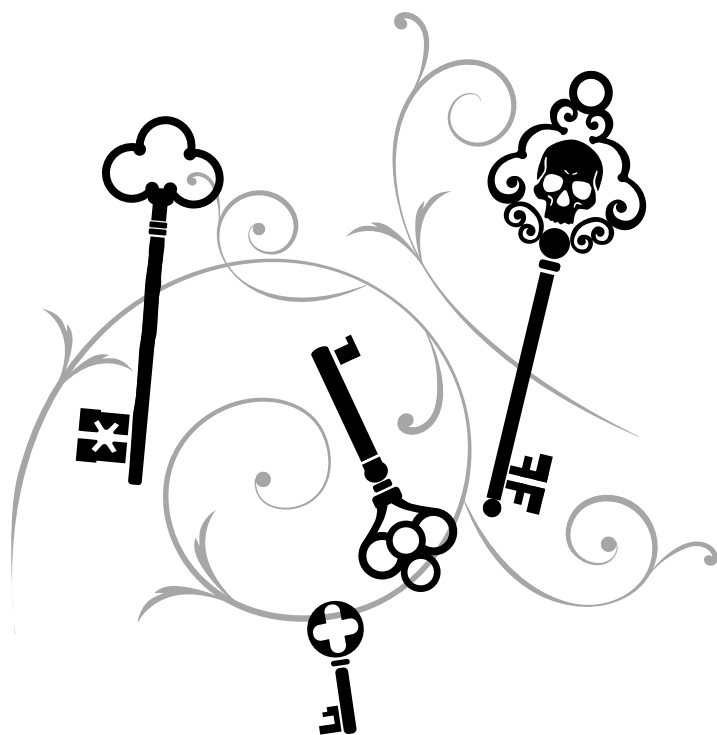

МАГИСТРАЛЬ

УИЛКИ КОЛЛИНЗ

Отель с привидениями

Москва

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44
К60

Перевод с английского
Разработка серии и художественное оформление
Анастасии Зининой

Коллинз, Уилки.

К60 Отель с привидениями : перевод с английского / Уилки Коллинз. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Магистраль. Коллекция).

ISBN 978-5-04-211098-6

Графиня Нарона выходит замуж за лорда Монтраббри, жениха Агнес Локвуд, и увозит его в путешествие, которое заканчивается в старинном палаццо Венеции. Странные вещи происходят в этом особняке, исчезновение, смерть... Проходит немного времени, и захудалое палаццо превращается в фешенебельный отель. Но нет покоя в этом месте, что-то сводит с ума постояльцев отеля. Погрузитесь в атмосферу страшных тайн, попробуйте провести ночь в номере 14 лучшего отеля Венеции, если осмелитесь.

В сборник также вошли повести и рассказы Коллинза, наполненные мистикой и элементами детектива.

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44

- © Харитонов В., перевод на русский язык. Наследники, 2026
- © Брилова Л., перевод на русский язык, 2026
- © Воронин В., перевод на русский язык. Наследник, 2026
- © Кулагина-Ярцева В., перевод на русский язык, 2026
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-211098-6

Отель с привидениями
Тайна современной Венеции

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

В 1860 году из лондонских врачей известнейшим был доктор Уайбрау. Надежная молва приписывала ему едва ли не богатейший доход, доставляемый в наши дни медицинской практикой.

Однажды днем, уже к концу лондонского сезона¹, после особенно трудного утреннего приема, имея еще изрядное число домашних визитов на остаток дня, доктор только-только покончил с ланчем, как лакей объявил, что с ним желает говорить дама.

— Кто она? — спросил доктор. — Пациентка?

— Да, сэр.

— Для пациентов есть приемные часы. Скажите ей, когда приходить.

— Я говорил, сэр.

— И что же?

— Она не уходит.

— Не уходит? — с улыбкой повторил доктор. Он был не без чувства юмора, и нелепость ситуации развлекла его. — Эта настойчивая дама назвала себя? — спросил он.

— Нет, сэр. Она отказалась назваться, сказала, что не отнимет у вас и пяти минут, а дело чрезвычайно важное и до завтра не терпит. Она в приемной, и как выдворить ее оттуда, я не представляю.

---

¹ Светский сезон (май — июль) в Лондоне.

Доктор Уайбрау с минуту размышлял. Более чем тридцатилетний богатый опыт дал ему знание женщин (профессиональное, разумеется), он перевидал их всякого рода — особенно же ту их породу, что не считается со временем и не преминет воспользоваться привилегиями своего пола. Взгляд на часы подтвердил, что ему пора начинать визиты к домашним больным. В сложившихся обстоятельствах оставался один-единственный выход. Ему оставалось, коротко говоря, одно — бежать.

— Экипаж у калитки? — спросил он.

— Да, сэр.

— Отлично. Без малейшего шума откройте парадное, а дама пусть себе остается в приемной. Когда она утомится ожиданием, скажите ей все как есть. Если она спросит, когда я возвращаюсь, скажите, что я обедаю в клубе, а вечером иду в театр. С богом, Томас. И тише! Если вы скрипнете сапогами, я погиб.

Он неслышно направился в переднюю, лакей шел за ним на цыпочках.

То ли дама в приемной что-то заподозрила, то ли скрипнули сапоги Томаса, а слух у нее оказался острый, только именно так оно все и случилось: в ту самую минуту, когда доктор Уайбрау миновал приемную, дверь отворилась, на пороге встала дама и ухватила его за руку.

— Умоляю вас, сэр, не уходите, прежде не выслушав меня.

У нее был иностранный выговор, низкий и твердый голос.

Ее пальцы мягко и при этом решительно сжимали его руку.

Ни ее слова, ни цепкая хватка не заставили бы его выполнить эту просьбу. Его вынудило остановиться безмолвно говорящее лицо. Он был буквально оглушен кричащим несоответствием его мертвенной бледности — свету и жизни в стальном сверкании ее боль-

ших черных глаз. Она была одета в темное с отменным вкусом; среднего роста и, судя по всему, средних лет — что-нибудь тридцать с небольшим. Такие точеные черты, красиво очерченный нос, губы и подбородок чаще достаются иностранкам, нежели уроженкам Англии. Безусловно, красивая женщина, когда бы не эта ее смертельная бледность и не столь заметная жесткость взгляда. Первоначально поразившись ее внешности, доктор теперь, можно сказать, сгорал от профессионального любопытства. Другого такого случая, может статься, никогда не представится в его практике. «Похоже, так оно и есть, — думал он. — На это не жалко времени».

Сознавая, что произвела на него сильное впечатление, дама отпустила его руку.

— В свое время вы утешили многих страдалец, — сказала она. — Утешьте еще одну.

Не ожидая ответа, она вернулась в комнату.

Доктор вошел за ней и затворил дверь. Он усадил ее в кресло для пациентов, против окна. В тот летний день даже лондонское солнце ослепительно светило. Ее затопил сверкающий поток. Пронзительные, орлиные глаза даже не моргнули. По гладкому, без единой морщинки, лицу пугающе разливалась матовая бледность. У доктора впервые, сколько он себя помнил, зачастило сердце в присутствии пациента.

Но странно: завладев его вниманием, она, похоже, ничего не могла ему сказать. Эту решительную женщину словно охватила непонятная апатия. Вынужденный заговорить первым, доктор заурядным образом спросил, чем может ей помочь.

Звук его голоса, казалось, пробудил ее. По-прежнему не моргая от света, она отрывисто сказала:

— Я задам вам трудный вопрос.

— Какой же?

Ее взгляд, медленно двигаясь, остановился на его лице. Внешне ничем не выдавая волнения, она облекла «трудный вопрос» в довольно необычные слова:

— Умоляю вас, мне нужно знать, не грозит ли мне опасность сойти с ума.

Кого-то, возможно, позабавят эти слова, кого-то встревожат. Доктор же Уайбрау ощутил лишь досаду. Тот ли это редкий случай, каким он представился ему при первом беглом взгляде? Не ипохондрик ли она, эта его новая пациентка, чье заболевание сводится к расстроенному желудку, а все несчастья от недалекого ума?

— Почему вы пришли ко мне? — спросил он ее резко. — Почему бы не посоветоваться с врачом, который специализируется на душевных заболеваниях?

У нее был наготове ответ.

— Я не пойду к такому врачу, — сказала она, — именно по этой причине: он специалист, у него губительная привычка все разложить по полочкам, которые он сам же выстроил. Я пришла к вам, потому что мой случай не годится ни для какой полочки. Вы известны в своих кругах разгадками таинственных заболеваний. Вы удовлетворены?

Он был более чем удовлетворен: в конце концов, его первая мысль оказалась правильной. Кроме того, она была верно осведомлена о его положении в медицинском мире.

Именно способность — и в этом ему не было равных — выявить признаки надвигающегося заболевания доставила ему славу и богатство.

— Я в вашем распоряжении, — ответил он. — Попробуем выяснить, что с вами происходит.

Он задал ей необходимые вопросы, на которые она отвечала быстро и четко, и вынужден был заключить, что душевно и физически эта странная дама пребывала в полном здравии. Не удовлетворившись вопросами, он ее

внимательно прослушал, простучал. Нет, ни осмотр, ни стетоскоп не обнаружили ничего тревожного. С замечательным терпением и внимательностью, отличавшими его еще в студенческие годы, он продолжал всесторонне обследовать ее. Результат оставался прежним. Не говоря уже о мозговых нарушениях, даже нервного расстройства не обнаружилось и следа.

— Я ничего у вас не нахожу, — сказал он. — Я даже не могу объяснить причины вашей необычайной бледности. Вы ставите меня в тупик.

— Бледность — это пустое, — ответила она с некоторым нетерпением. — В молодости я едва не умерла от отравления. С тех пор у меня этот цвет лица и такая чувствительная кожа, что от румян высыпает безобразная сыпь. Но это неважно. Я хотела, чтобы вы определенно высказали свое мнение. Я верила в вас, а вы меня разочаровали. — Она уронила голову на грудь. — Это конец, — горько вымолвила она.

Доктора кольнула жалость. А может, укол почувствовало его профессиональное достоинство?

— Все еще может кончиться хорошо, если вы решитесь помочь мне.

Она вскинула на него загоревшиеся глаза.

— Скажите откровенно, — проговорила она, — как я могу вам помочь?

— Если откровенно, мадам, вы для меня загадка. И вы предоставляете мне искать разгадку средствами моего искусства, не подавая никакой помощи. Мое искусство может многое, но не все. Наверняка что-то произошло, отчего вы встревожились, причем это не имело никакого отношения к вашему физическому состоянию. Иначе бы вы не пришли ко мне. Я не прав?

Она сжала руки на коленях.

— Вы правы! — жарко выдохнула она. — Я снова начинаю в вас верить.

— Отлично. Вы не можете рассчитывать на то, что я раскрою духовную природу вашей тревоги. Я могу только засвидетельствовать, что ее физические причины отсутствуют. Но должен вам сказать, что, если вы мне не доверитесь, ничего больше я сделать не смогу.

Она встала и прошлась по комнате.

— Допустим, я расскажу, — сказала она. — Но имейте в виду: я не назову никаких имен!

— Нет никакой нужды называть имена. Мне нужны только факты.

— Факты — это пустое, — возразила она. — Я могу поведать вам лишь свои ощущения, после чего вы, скорее всего, сочтете меня фантазеркой. Что поделаться? Постараюсь вам угодить: вот вам ваши факты. И право слово, они не очень помогут вам.

Она снова села и, насколько это возможно сделать простыми человеческими словами, обрушила на доктора удивительную, дикую исповедь — ничего подобного ему не доводилось слышать.

ГЛАВА 2

— Во-первых, сэр, я вдова. А во-вторых, я выхожу замуж.

Она умолкла и улыбнулась своим мыслям. Доктора Уайбрау покорила эта улыбка, в ней было что-то одновременно грустное и жестокое: она медленно раздвинула ее губы и тут же погасла. Он снова засомневался, правильно ли поступил, поддавшись первому впечатлению. Его мысли не без грусти вернулись к заждавшимся его заурядным больным с их простыми болячками.

Дама между тем продолжала:

— В мой предстоящий брак, — сказала она, — вмешивается одно обстоятельство. Джентльмен, чьей женой я стану, уже был помолвлен, когда случайно встре-

тил меня за границей; причем эта дама доводится ему родней, она его кузина. Не ведая того, я отняла у нее возлюбленного и поломала жизнь. Я говорю «неведомо для себя», поскольку он мне сказал о помолвке после того, как я приняла его предложение. Когда мы уже потом встретились в Англии и, разумеется, возникла опасность, что я узнаю о ней, — тогда он и сказал мне правду. Само собой, я вознегодовала. У него было наготове оправдание: он показал мне собственноручное письмо этой дамы, в котором она расторгала помолвку. В жизни не приходилось мне читать более благородного, более великодушного письма. Я рыдала над ним, хотя не умею оплакать и собственные невзгоды. Будь в нем хоть малейшая надежда на прощение, я бы определенно отказала. Но твердость — причем без капли гнева, без слова упрека, даже с искренними пожеланиями счастья, — эта вот твердость, говорю я, не оставляла никакой надежды. Я оказалась мягкосердечной, я сказала: «Хорошо, я согласна». И через неделю (я не могу без содрогания думать об этом) мы поженимся.

Она точно содрогнулась и вынуждена была прерваться, собраться с силами, прежде чем смогла продолжать. Не получая никаких фактов, доктор испугался, что его ждет долгий рассказ.

— Извините за напомирование, но меня ждут больные люди, — сказал он. — Чем скорее вы заговорите по существу, тем лучше будет для них и для меня.

Снова на ее губы набежала эта странная улыбка — сразу грустная и жестокая.

— Все, что я говорю, я говорю по существу, — ответила она. — Вы убедитесь в этом через минуту... — Она продолжала свою историю: — Вчера — не бойтесь, я не буду углубляться в прошлое дальше вчерашнего дня, — вчера я была приглашена на ваш английский ланч. Некая дама, совершенно незнакомая мне, при-

шла с опозданием, когда мы уже встали из-за стола, и сразу прошла в гостиную. Случилось так, что она села рядом со мной. Нас представили. Заочно мы знали друг друга. То была женщина, у которой я похитила возлюбленного, та самая женщина, что написала такое благородное письмо. Теперь извольте слушать! Вы досадовали, не находя ничего интересного для себя в моих словах, а я говорила это все для того, чтобы вы поняли: у меня не было неприязненных чувств к этой даме. Я восхищалась ею, сочувствовала ей — мне не в чем упрекнуть себя. Это очень важно, как вы сейчас убедитесь. Что касается ее, то я полагала, что ей изложили все обстоятельства и она понимает: я никоим образом не заслуживаю упрека. Так вот, после этого необходимого уведомления объясните мне, если можете, почему, поднявшись с кресла и встретив взгляд этой женщины, я похолодела с головы до пят, почему меня бросило в дрожь, почему я впервые в жизни извела смертельный страх.

Доктор наконец проявил интерес к рассказу.

— Может быть, вас чем-нибудь поразила внешность этой дамы? — спросил он.

— Абсолютно ничем! — бурно возразила та. — Вот вам ее портрет. Самая обычная англичанка: ясные, холодные голубые глаза, слабым румянцем подернутое лицо, безразлично-вежливый вид, крупные, мягкие губы и довольно полные щеки и подбородок — только и всего, ничего особенного.

— Так, может, когда вы взглянули на нее, вас поразило что-нибудь в выражении ее лица?

— Она с понятным любопытством смотрела на женщину, которую предпочли ей, и еще, возможно, дивясь тому, что эта женщина не блещет красотой и обаянием; эти оба чувства отражались на ее лице, сколько позволяли приличия — не больше нескольких секунд, — по-

ка я вообще что-то видела. Я говорю «пока», поскольку мучительное волнение, которое она мне внушила, помутило мое сознание. Если бы я добралась до двери, я бы бежала из этой комнаты — так она меня напугала. Но я даже стоять не могла — я просто упала в кресло. Я в ужасе глядела в эти спокойные голубые глаза, взиравшие на меня с тихим изумлением. Сказать, что они меня гипнотизировали, — значит ничего не сказать. Это глядела ее душа и видела меня насквозь без всякого усилия с ее стороны. Я передаю вам свое впечатление — со всем ужасом и безумием, какие там были. Эта женщина, хотя сама она о том и не ведает, назначена быть моим злым гением. Ее невинный взгляд высмотрел во мне ростки зла, о которых я не подозревала, и я чувствовала, как под этим взглядом они воспрянули. Если я в будущем наделаю ошибок, если даже совершу преступление, она покарает меня, причем не по собственной даже воле — в этом я твердо убеждена. В одну минуту я все это поняла — и, очевидно, это сказалось на моем лице. Эта добрая, бесхитростная душа даже встревожилась за меня: «Боюсь, вам в этой комнате слишком жарко. Вот понюхайте соль». Я еще слышала ее добрый совет, но потом уже ничего не помню — потеряла сознание. Когда я пришла в чувство, все гости уже разошлись, со мной оставалась только хозяйка дома. С минуту я ничего не могла ей сказать, то ужасное чувство, которое я пыталась описать, вернулось ко мне вместе с сознанием. Обретя речь, я умоляла ее рассказать мне всю правду об этой женщине, чье место я заняла. Понимаете, во мне теплилась надежда, что она, быть может, не заслуживает своей доброй славы, что в том благородном письме она искусно лицемерила, что, короче говоря, она втайне ненавидела меня и ей хватило ума скрыть это. Но нет! Хозяйка сызмала знала ее, они были между собой как сестры, и своей добротой, невинностью и неспособно-